

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Всем хочется чистоты

Ольга Макаренко

эксперт Госдумы, председатель совета некоммерческой корпорации «Интернациональные ресурсы»

Вчера в правительстве РФ начато обсуждение проекта бюджета на 2003 год. Через пару месяцев отработан проект попадет в Госдуму, и есть сильное подозрение, что повторится прошлогодняя история. Проблемы развития благотворительной деятельности в России, боюсь, и на этот раз не попадут в поле зрения высоких договаривающихся сторон. Будто не было Гражданского форума и нескольких попыток общественных организаций и бизнеса выстроить мост между властью и филантропией. Отсюда и опасения.

Между тем ситуация вокруг филантропии сегодня куда хуже прошлогодней. Как известно, отменена федеральная льгота для благотворителей и введен подходящий налог с бедолаги, которые получили негосударственную финансовую помощь. «Б» уже писал об этом. А в Налоговом кодексе появилась норма о «чистых» благотворительных фондах, перечень которых утверждается правительством РФ. Эту норму даже трудно признать законной, потому что она противоречит Гражданскому кодексу и закону о благотворительности. Наконец, предложенная правительством с этого года форма отчетности за некоммерческую деятельность ничего, кроме дополнительной путаницы и бесполезного закручивания гаек, не принесла.

А все вместе эти новшества образуют схему, при которой социально ответственному бизнесу сейчас проще плюнуть на все и снести деньги в казино.

Самое удивительное, что никто специально никаких козней против российской филантропии не строил. Просто переписали правила — и умерли даже те слабые нормы, которые питали филантропию по крайней мере шесть лет кряду, с появлением закона о благотворительности.

Мне не раз доводилось беседовать с Сергеем Шаталовым, другими руководителями Министерства финансов, теоретиками и практиками налоговой политики. Послушать их, так ни одного противника благотворительности в России вообще не существует. Просто всем хочется чистоты, честности, порядочности. А кто против? Но возьмем тот же льготный перечень фондов, утверждаемый в правительстве. Норма есть, а перечня нет. Уверена — и не будет. Так и неясно, кто на самом деле должен его составить. И по каким критериям? Как разделить тысячи российских благотворительных фондов на честных и не очень? Обращения за разъяснениями в Минфин натываются на забавный ответ: вот вы и дайте критерии, а уж мы их запроверим. Нелепость. Хорошо еще, что такую борьбу за чистоту Минфин ведет лишь с филантропией, не распространяя на всю экономику.

Между тем легко определить, чем занимаются фонды или бизнес в своей некоммерческой деятельности. Надо лишь усовершенствовать отчетность. Существующая форма не показывает, в сущности, ничего. Она не дает даже представления о том, чем фактически фонд занимался. Мы все заполняем мешки бумагой, но из них ничего не почерпнуть. Нам опять говорят: ваши предложения? Но вот тут-то и выдумывают нечто. Международная система нормальности, исчерпывающей отчетности давно прижилась в России. Она действует между грантодающими и грантополучающими организациями. Там очевидны цели и все прозрачно, вплоть до копеечки. Три года коалиция некоммерческих организаций «За справедливое налогообложение» стучится с этим предложением в правительство. Нам отказывают, но тряска на коммюнити. Узнать, где, в каких чиновных закоулках теряются подобные предложения, невозможно. Обратных связей просто не существует.

На самом деле, когда в чиновной среде утвердится понимание нормальной социальной экономики, обратные связи возникнут как бы сами по себе. Для этого нужны поправки к существующим законам. Гражданский кодекс, к примеру, признает наличие организаций коммерческих и некоммерческих. И у каждой своя экономическая задача: одна создает доход, другая заботится об эффективном его использовании. Значит, для них по определению должны быть разные налоговые режимы. И тогда станет очевидным следующее: те из нас, кто вкладывается в здравоохранение, которое обеспечивает госбюджет, ничего не должны государству с этих вложений. И это не льгота. Это выполнение за государство его конституционных обязанностей перед гражданами.

Однако в Налоговом кодексе у нас существуют только две категории налогоплательщиков: физические и юридические лица. Это, кстати, противоречит не только Гражданскому кодексу, но и самому Налоговому. Там в первой части у нас запрещено устанавливать разницу в налоговых режимах в зависимости от форм собственности. Все решает вид деятельности.

В советские годы, когда зарождалось неформальное общественное движение, однажды я была на встрече с представителями французских госслужащих. Докладчик рассказывал, на сколько листов удалось сократить отчетность в будущем году и на сколько граф стало меньше в каждом листе. Я до сих пор помню, с какой гордостью докладывал француз. И как мы пилились на него, не понимая, о чем он. По-моему, у нас и сейчас бы его редко кто в правительстве понял.

Жизнь без слов

Этот компьютерный класс был куплен пятнадцать лет назад, сломался и не подлежит восстановлению. ФОТО КЮРИЯ МАРТЬЯНОВА

Мотылек не видит, когда на него машешь руками. Чтобы мотылек взлетел, надо на него дунуть. Или крикнуть. Чтобы дунуть на мотылька, надо уметь дуть. Дунуть должен глухой ребенок. Из-за глухоты он не умеет управлять своим дыханием, но мотылек его научит. Мотылек сидит в компьютере. Это специальный учебный компьютер для глухих. В тамбовской школе-интернате для глухих детей такого компьютера нет.

В этой школе на двери написано «дверь». На окне написано «окно». В спортивном зале на баскетбольном щите написано «баскетбольный щит», а на шведской стенке написано «шведская стенка». В кабинете директора Петра Егоровича Клишина висит портрет Ленина. На нем написано «Ленин», но подразумевается. Дети зовут Петра Егоровича просто Петр. Не потому, что у них принята фамильярность, а просто глухие стараются быть краткими, и даже очень короткое слово трудно выговорить, если не слышишь, как говоришь.

Дети встречают его всякий раз, когда он приезжает с какими-нибудь очередными трубами, матрасами, оboими или шкафами. Старшие ученики выносят младших на руках, как если бы большая семья встречала отца. Детей не надо учить чувствам. Чувствами они учатся легко. Глухих детей трудно научить абстрактным понятиям, потому что абстрактные понятия, то бишь ровно все то, что называется образованием, человек получает через слова.

А слов они не слышат и не научились запоминать. Они вообще почти ничего не могут запомнить, если им сказать слова. Они запоминают только то, что видят. Учитель труда в школьном коридоре ковыряет стену долотом. Там же вечный ремонт. Это же захламленная школа-интернат, если кто-нибудь в Москве может представить себе захламленную школу-интернат. Рядом с учителем сидит на короткохребетном и внимательно следит за каждым движением. А директор проходит мимо и говорит трудовику: — Ты очки надень. Учителю неудобно в очках, но если просто сказать ребенку, что надо беречь глаза во время работы, ребенок забудет их беречь. А кроме глаз у него ничего нет. Он запомнит, только если увидит на учителе очки. Эти дети запоминают все увиденное во мельчайших подробностях, тогда как прочитанное запоминают с трудом. На столе у Клишина папка сочинений про прощание с учебником физики. Ну просто там в седьмом или восьмом классе учебник прошли до конца, и Петр Егорович попросил детей написать, что они из учебника запомнили и как им это потом в жизни пригодится. Девочка пишет: «Мне научила знаю все называется любовью».

Когда Клишин пришел работать директором, учителя и вос-

питатели читали такие фразы в учительской и смеялись над ними. Все, что смеялся, уволены. Потому что Клишин говорит: «Это такие дети, что я за все свои годы красоты почувствовал».

Фраза, написанная девочкой, не бессмысленна. Она знает: «Из учебника физики я научилась знать, как все называется, как называется любой предмет». Просто очень трудно справляться со словами, если ты их никогда не слышал. Фраза, которую говорит Клишин, тоже не бессмысленна. Если вы ее не понимаете, вы уволены. Весь этот рассказ в духе Маркеса тоже не полная галиматья. Представьте себе мир без звуков. Вернее так: представьте себе, чему бы вы не научились, если бы не слышали звуков. Говорить, читать, мыслить логически, веселиться, смеяться, плакать. Что бы с вами тогда было?

Теперь представьте себе, что умные люди перевели все, что родители обычно рассказывают детям словами, в зрительные образы и записали в компьютер, позволяющий глазам заменить уши. Компьютер дает ребенку возможность увидеть свою речь. После того как удалось сплунуть мотылька, ребенок задумает свечки. Свечки на экране пять. Можно дунуть так, чтоб задуть одну,

или две, или все. Обычный ребенок научается соизмерять силу выдоха сам собой. Глухой — только если видит силу выдоха.

Еще в этом компьютере можно увидеть звуки. Клишин Набоков утверждал, что звуки имеют цвет. Это правда. И форму они тоже имеют. И размер.

Это дорогое стоит. Это стоит 158 тысяч рублей. Клишин говорит, что если бы ему дали 158 тысяч рублей, он бы немедленно нанял рабочих починять крышу. Потому что дети видят, как сквозит крышу протекает вода, и на всю жизнь запоминают, что сквозит крышу должна протекать вода. Даже когда они научатся говорить и читать речь по губам, очень трудно будет убедить их, что вообще-то под крышей должно быть сухо.

Если бы у Клишина было столько денег, он поклялся бы обои. Из-за этих обоев он воевал с пожарной инспекцией, по правилам которой стены в детских учреждениях должны быть покрашены масляной краской. Дети же видят, какие вокруг них стены, и навсегда запоминают, как должен выглядеть у человека два обоя.

Если бы у Клишина было столько денег, он одел бы детей в красивую одежду, потому что они же видят одежду.

Каждый раз перед выборами кандидаты в депутаты, мэры и губернаторы приходят к Клишину и предлагают денег для глухих детей. Но Клишин не берет. Дети не увидели бы, как ими спекулируют, но Клишин все равно не берет. Он говорит: — Хотите дать денег на детей, приходите после выборов. После выборов не приходит никто.

ВАЛЕРИЙ ПАНОУШКИН

недостающие 17 455 руб. родителям Коли Кузнецова (6 лет, слепой ребенок, Ярославская обл.) для приобретения слухового процессора-заушники «Темро», полная стоимость 124 600 руб.;

3 тыс. руб. и семь посылок с одеждой и обувью семье Людмилы Бошенатовой (Самарская обл.);

35 тыс. руб. Жене Короткиной (18 лет, паралич, Москва) для покупки инвалидной коляски «Примус-3.310», полная стоимость 87 276 руб.;

16 500 руб., три посылки с памперсами и фургон «Газели» с одеждой, книгами, игрушками в дом ребенка «Солнышко» (Смоленская обл.);

8500 руб. многолетней матери Зине Саяшиной (Тверская обл.) на покупку стиральной машины «Вятка-автомат»;

3800 руб. безработной Евгении Омаровой (Кемеровская обл.) на покупку швейной машинки «Чайка»;

\$1100 Марине Маковой на курсы химиотерапии для сына Антона (10 лет, онкобольной, Новосибирская обл.).

Оплачено лечение: Юше Перминову (9 лет, ДЦП, Челябинская обл., 6650 руб.); Красовским Насте и Наде (по 4 года, ДЦП, Костромская обл., 56 770 руб.);

Наташе Усколкиной (14 лет, сколиоз, Новосибирск, 169 961 руб.). Помогли: Людмила (Тель-Авив), Светлана (Екатеринбург), Инна Николаевна (Ростов), Ольга Аликановна, Светлана (обе — Санкт-Петербург), ассоциация рекламных фирм «Тихая гавань», ING Bank, Торговый дом УГМК, ООО «УМД Плюс», Олег, Андрей, три Натальи, две Людмилы Михайловны, Римма, четыре Елены, Елена Смирнова (фонд «Созидание»), Ирэн, Светлана, две Марины, Эрнст, Катя, Арина, Анатолий Иванович, Татьяна, Ирина, Станислав Иванович, Влада, Игорь Сергеевич, Марина Геннадьевна, Саша и Марианна, Вера, Алла, Анна, Диана, Ольга, Мария, Людмила, Сергей, Елена Владимировна, Константин (все — Москва).

Спасибо всем!

Из свежей почты

Ксения Колесникова, 5 лет. Врожденный порок сердца, операция стоит 163 тыс. руб.

Обращаюсь к вам с последней надеждой. Нам с мужем по 23 года, и у нас большое горе. Единственный ребенок, самый дорогой человек, наша Ксенечка, тяжело больна. Она досталась нам так трудно, что я и сейчас, через пять лет, моллю Бога за то, что сама выжила при родах и Ксенечка родилась живой. А вот теперь жизнь ее под большой угрозой: обнаружен врожденный порок сердца. И операция не терпит отсрочки, сказали наши врачи. Но они не берутся, так как операция пятой категории сложности. Это когда сердце временно отключают и дитя переводят на искусственное кровообращение. Нам рекомендовали хирургов Научного центра имени Бакулева. Вот они взяли! К несчастью, операция платная, стоит 163 тыс. руб. А мы с мужем студенты и материально обеспечены еще плохо. Муж подрабатывает на стройках до 2 тыс. руб. в месяц. На них и живем. Я искала спонсоров в области, но не нашла. Умоляю, помогите! *Олеся Колесникова, Ростовская обл.*

В Бакулеве нам сообщили, что Ксюшу консультировал академик Владимир Подзолков. Это он настаивает на немедленной операции. Банковские реквизиты центра есть в фонде.

Татьяна Милованова, безработная мать двоих детей. Нужны одежда и обувь.

Пишу подобное впервые. Ей-богу, не знаю, как рассказать, что с нами происходит, и как просить помощи. Городок наш мал, работы на всех не хватает, так что трудоустроиться просто невозможно. Поверьте, мы давно не живем, а выживаем. Старшая дочь Света учится в колледже в Тольятти. Ночей не сплю: как она там? Большой город, соблазна, а она питается впроголодь и обносилась. Вся стипендия — 100 руб. Послать бы денег, одежду, а я ничего не могу. Сама безработная. Знаете, иногда руки опускаются. Не жизнь, а наказание. С мужем мы давно не живем. Как младшая моя, Наташа, родилась в 95-м, так он ушел. Я случайно прочла в газете о Российском фонде помощи. Это такая надежда и спасение для многих! Если будет возможность, помогите и нам вещами. Спасибо за то, что вы есть на белом свете. *Татьяна Милованова, Самарская обл.*

По данным Натальи Анищенко, главного специалиста областной соцзащиты, Татьяна Геннадьевна уже устроилась уборщицей. Это 300 руб. в месяц: «Мало, но не безработная». До сих пор Миловановы жили на пенсию младшей дочери (968 руб., инвалид по зрению) и 70-рублевые детские пособия: «Семья испытывает тяжелые материальные затруднения, средств не хватает на питание и одежду. Размеры одежды и обуви членов семьи выслаем факсом».

Дарья Ширшова, 22 года, требуется коленичный эндопротез, 40 905 руб.

Пишу вам, больше не к кому. Живу с папой, ему 72 года. Только мне опора и защита. Мама умерла в мои 12 лет. Когда я поступила в медучилище, будущее рисовалось таким определенным. Но вскоре я попала в автостафодорогу, и все переменилось. Сильная травма головы и осколочные переломы правой ноги сделали меня инвалидом. Вскоре врачи обнаружили злокачественную опухоль головного мозга. Следует операция по ее удалению, затем череда операций на тазобедренном и коленном суставах. Все это было непросило, но я выдержала и продолжаю верить в светлое будущее. Осталась последняя операция — эндопротезирование коленного сустава. Она бесплатная, но эндопротез стоит 40 905 руб. А у меня нет денег. Пенсия едва хватает на самое необходимое. Но я не оставляю мечты учиться, работать и жить как все. Поверьте, я уже выкарабкался. Вот только когда не гнется, колено не работает, сильные боли. Замкнутый круг какой-то: не могу зарабатывать, так как беспомощная. А восстановиться нельзя без денег. И все равно мечтаю стать опорой своему отцу. *Пожалуйста, не откажите мне!* *Ширшова Дарья, Москва*

Мы беседуем с Дашинными врачами Натальей Тарац, поликлиника № 135, и Александром Казаковым, Центральная клиника МО РАИ: «Дарья надо оперировать, иначе начнется деформация позвоночника и нарастание болей. Тазобедренный сустав заменили, а коленичный отсутствует полностью. Если срочно не протезировать колено, то может отказать и тазобедренный сустав». Реквизиты клиники есть в фонде.

Настя Меньшикова, 4 года, лечение последствий внутритрурной травмы. 76,5 тыс. руб.

Наша Настенька родилась с внутритрурной травмой, и никто не знал, очего. Врачи пожимали плечами: бывает. Наш диагноз трудно принять на слух: перивентрикулярная энцефалопатия с гипоплазией ствола, статическим нарушением недостаточность, псевдобульбарный синдром, стертая дизартрия. А в жизни это очень слабые мышцы. Настя, например, ходит, как все, но часто оступается и падает. Она не умеет прыгать, и бегать у нее еще не получается. Зато очень умная, уже читает. И слух, говорят специалисты, абсолютный. Лечимся с рождения. Но проку не было, пока не переехали в Россию и не попали в Центр Скорцова. Лечение платное, бабушки и дедушки дали деньги на два курса. Мы не нарадуемся! Наросли мышцы. Настя окрепла. Как отмечать в центре, «значительные улучшения в подкорковой области мозга». Нужны еще три курса, и дочь вырастет здоровой и пригожей. Но у нас больше нет денег. Курс стоит 25,5 тыс. руб. Я пишу в фонд, потому что в центре о вас рассказывают чудеса. Вы помогли чужим детям встать на ноги. Вот это и есть родина. От имени всех отчаявшихся матерей кланяются вам до земли за благородство и бескорыстие. *С надеждой Елена Меньшикова, Костромская обл.*

«Девочка очень перспективная», — сказала заведующая отделением центра Ольга Тарасова. — Надо лечить!» А в областной соцзащите ведущий специалист Наталья Ашастина рассказала, что Меньшиковы с двумя детьми приехали из Узбекистана, купили поддомик, земли и худо-бедно устроились. Муж получает 2,5 тыс. руб., у Елены пособие по безработице. Душевой доход в семье составляет 953 руб.».

А вот повторная публикация. О беде этой девочки мы рассказали в мае. И удалось собрать четверть цены операции. Может, первая публикация просто не нашла своего читателя?

Валя Семенова, 13 лет, сколиоз, операция по коррекции позвоночника, 183 490 руб.

Обращается к вам мама инвалида. Я не знаю, куда еще стучаться. Вот уже пять лет младшая дочь Валюша страдает сколиозом четвертой степени. Ее перевели в интернат, где таких детей лечат, а обучаются они лежат. Мы изготовили металлические корсеты, они чуть приостановили болезнь. Валя растет быстро, пришлось сделать три корсета, а они стоят больших денег, по 3 тыс. руб. каждый. Так случилось, что воспитываю двух дочерей одна. Вечерами я мыла полы в подъезде, подрабатывала дворником, но все-таки купила корсеты. А они не помогают! Робр жест, позвоночник искривлен на 62 градуса, сдавливают внутренние органы. Девочка чувствует себя все хуже. В Новосибирском НИИТО настаивают на операции. Хотя и страшно, но без нее девочка останется навсегда калекой. Валиной подруге вы помогли. Мы радуемся, глядя на нее, такую стройную. Операция стоит 183 490 руб. Столько я не заработаю. Не дай, Господи, никому пережить наше отчаяние. Дорогие, спасите Валюшу! *Нина Семенова, Новосибирская обл.*

Реквизиты НИИТО есть в фонде.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которым оказались в беде, и людьми, готовыми помочь. Мы получаем письма-просьбы и после тщательной проверки публикуем их в «Коммерсанте», журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Если вы решили поддержать авторов-бедолаг — звоните в фонд, получаете их необходимые реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адреса фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru

Тел: (095) 943-91-35, 158-69-04. E-mail: rfp@kommersant.ru

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

Сереза Севастьянов мечтает о футболе

Серезе 14 лет, пока он еще ни разу не выходил на поле. Против родителей и врачей. У Серезы «царская» болезнь гемофилия (несвертываемость крови). Это значит, что мальчику противопоказаны любые удары и ссадины. Еще четыре года назад Сереза был обречен на жизнь в инвалидной коляске. Артронатия суставов тогда достигла третьей стадии, отказывали голенистокопые суставы. Хромота сопровождалась жуткой болью. Спасли Серезу мог только препарат «Фактор IX». Однако годовой курс профилактики и лечения обходится в \$15 тыс. Таких денег у родителей Серезы, ульяновских инженеров, нет. Но теперь Сереза забыл о тех болях и даже учится в школе, как все. Четвертый год вы, дорогие друзья, спасаете мальчика, проплачивая ему «фактор IX». Вот только что собрали 506 тыс. руб. на новый годовой курс.

Вчера Сереза с родителями приехал в Москву. Его посмотрят столичные доктора, отец закупит 90 флаконов лекарства — и спра-

зу домой. Они заехали к нам в редакцию, чтобы передать признательность и благодарности. И Сереза все уговаривал отца «сходить хоть на какой футбол». Иван Николаевич выслушал сына и как-то невпопад отвечал: «Да тебе целый год жизни подарил!».

А теперь о том, что удалось сделать за последний месяц.

Для Клиники акушерства и гинекологии Московской мединститута, о проблемах которой мы рассказывали в мае, торговый дом УГМК приобрел четыре инкубатора для выхаживания новорожденных (797 440 руб.). А руководители ООО «УМД Плюс» подарили клинике шприцевой насос «Компакт» (30 680 руб.) и предложили остальные семь с 15-процентной скидкой. К сожалению, на эти семь насосов благотворителей еще не нашлось. Зато клинике повезло с другим оборудованием: председатель совета директоров московской ассоциации рекламных фирм «Тихая гавань» Михаил Лернер оплатил покупку четырех ламп фототерапии (318 400 руб.) и 15 флуоресцентных ламп-трубок (20 400 руб.). Господин Лернер, кстати, также приобрел немецкую мультидрайверную систему (\$10 тыс.) для хирургов кафедры детской отоларингологии Российской медицинской академии последипломного образования (Москва).

А также приобретены: слуховые аппараты DigiFocus SP Наташе Сельцовой (9 лет, Калужская обл., 53 046 руб.); слуховые аппараты Oticon 390 Дмитрию Чистякову (21 год, Рязанская обл., 22 600 руб.); электросушильная машина ЛС-25-01 для дома ребенка «Солнышко» (Смоленская обл., 54 900 руб.).

Отправлены: три посылки с одеждой, обувью, канцелярскими принадлежностями семье Елены Кулаковой (шестеро детей, Саратовская обл.);

26 166 руб. на компьютер Лене Чурбановой (21 год, инвалид, Челябинская обл.);

семь посылок с одеждой, обувью, игрушками, бижутерией многодетной семье Надежды Нагорновой (11 детей, Ярославская обл.);